

Галина Петкова

«Дать руководящую нить...»: русская (классическая)
литература в концептуализациях П. М. Бицилли

В своей автобиографии 1947–1948 г. П. Бицилли пишет, что «на Балканах» он «отдался исключительно научной должности — в области истории, а также русского языковедения и литературоведения». И уточняет, что в эмиграции «печатал статьи, посвященные преимущественно вопросам истории русской литературы, литературоведения, а также рецензии на произведения художественной литературы, издававшиеся в Зарубежье»¹. Востребованный в принимающих странах — Югославии и Болгарии — именно как историк, П. Бицилли в этом автокомментарии/официальном документе, кажется, в первый и последний раз сам позиционирует себя в профессиональное поле русской филологии. О литературоведе Бицилли существует немало исследований, в частности, к интерпретации его подходов к русской литературе имеет какое-то отношение и пишущая эта строки (Петкова 2004).

В настоящем размышлении сквозь призму «микроскопии»² рассматриваются три издания, осуществленных Бицилли и предназначенных для русской эмигрантской средней школы. Они до сих пор оставались маргинализированными

© TSQ № 44. Spring 2013. © Galina Petkova, 2013.

¹ Автобиография приложена к «Заявлению бывшего поданного Российской империи, профессора Бицилли, Петра Михайловича», написанному в Президиум Верховного совета СССР с ходатайством о восстановлении в гражданстве СССР. Копия, вероятно, черновика документа хранится в архиве Е. Ивановой-Аначковой, внучки профессора, проживающей в Софии.

² Микроскопический анализ практикует сам П. Бицилли, «микроскопию», как «метод исторической техники», он упоминает в письме от 5.IV. [1933] г. к своему молодому тогда коллеге и ученику, впоследствии академику — Ивану Дуйчеву (1907–1986) (Бицилли 2011: 340).

в критических исследованиях: обычно интерес к ним исчерпывался констатацией их существования и/или перечислением среди прочих — важных и ведущих. Я имею ввиду две части «Хрестоматии по истории русской литературы», вышедшие в 1931 и 1932 гг. (Бицилли 1931а; Бицилли 1932), и последовавшая за ними в 1934 г. «Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени» (Бицилли, 1934). Тематическая теснота и хронологическая дополняемость дают мне основания 1) увидеть в них некий конструкт, который репрезентирует развитие русской словесности, начиная с фольклора и кончая современной для Бицилли литературой — эмигрантской и метропольной, и 2) настаивать на том, что в результате процедур селекции (что включить в хрестоматию, а что нет) и стабилизации (как интерпретировать авторов, художественные произведения) Бицилли участвует обдуманно в (пере)моделировании учебной программы эмигрантской школы, предлагая свою концептуализацию русской литературной истории.

Общественно-педагогическое движение в эмиграции ставило своей целью сохранить память о Русском и найти «правильные» механизмы ее передачи молодому поколению. Русская школа сделалась основным инструментом эмигрантского мессианизма: образовательное дело предполагало не только обучение, но и формирование полноценных русских людей, воспитание их национального самосознания. Многие выдающиеся ученые включились в педагогическую деятельность, разрабатывали теоретические и методологические вопросы обучения, писали учебники, при этом постоянно оглядываясь на происходящее в образовательной системе метрополии. Среди них — А. Бем, В. Руднев, С. Гессен, В. Зеньковский³. На это поприще вступил и П. Бицилли. Принятая ответственность за школу была, мне кажется, результатом не только сознательного выбора, но и переживаемого родительского опыта — в начале 1930-х гг., когда Бицилли явно заинтересован

³ С ними у П. Бицилли разной степени активности корреспонденция и отношения. См. письма П. Бицилли к А. Бему (Бицилли 2002: 133).

этими проблемами, в старших классах Русской гимназии в Софии училась его дочь Мария⁴.

Будучи членом Учебного комитета, осуществлявшего «надзор в учебно-воспитательном отношении» над русским школьным делом в Болгарии (Бицилли 2012: 545), Бицилли «считал себя вправе давать отзывы о преподавании истории, языков и литературы...» (Бицилли 2012: 537)⁵. В своих статьях на страницах журнала «Русская школа зарубежом» он отмечал рутину эмигрантской школы и «нежизненность, бездушность и бессодержательность» (Бицилли 1931б: 440) курса истории, но и его ответственность за нравственное воспитание русской молодежи. В 1928 г. он пытался ревизировать существующий рационалистический канон преподавания, отмеченный «научообразностью», и предложил проект пропедевтического курса русской истории в средней эмигрантской школе, в котором изучение истории «надо начинать» с чтения романа «Война и мир» Л. Толстого (Бицилли 1927—1928: 206). Школьное преподавание должно на первом этапе основываться на „переживании“ истории (через посредство национального мифа, раскрытого в эпосе Л. Толстого) и лишь на следующем — перейти к ее «пониманию», т. е. «к систематическому курсу, построенному уже по прогрессивному плану» (Бицилли 1927-1928: 206)⁶.

Корреспонденция Бицилли с редактором «Современных записок», участником редколлегии «Русской школы за рубежом» и членом комитета Земгора⁷ В. Рудневым, занимавшим-

⁴ Мария Петровна Бицилли училась в Русской гимназии в Софии с 1925 по 1934 г. Выражаю свою благодарность дочери М. П. Бицилли — Наталии Гал, за предоставленную информацию.

⁵ Цитирую отрывки из писем П. Бицилли к В. Рудневу, датированных 1934 годом. Выражаю свою признательность Т. Галчевой за предоставленную в электронном виде верстку корреспонденции П. Бицилли с редакторами «Современных записок».

⁶ Выражаю свою признательность коллегам из Славянской библиотеки в Праге — д-ру И. Срыбковой и Х. Оплештиловой, за содействие в получении копии работ П. Бицилли, опубликованных в РШЗР.

⁷ Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (РЗГК) — Земгор, возобновил свою деятельность в Париже

ся с 1921 г. «попечением о нуждах русской школы»⁸, изобилует подробностями «по школьной части» (Бицилли 2012: 515—543). Бицилли делится информацией/отчетами о состоянии русских эмигрантских гимназий в Софии и Шумене, отстаивает свои педагогические взгляды⁹ и собственное понимание как обустроить эмигрантское учебное дело в Болгарии, сохранив при этом автономию русской школы¹⁰ (Бицилли 2012: 515—543).

Доминантой эмигрантского образования Бицилли считает преподавание русского языка и русской литературы, отмечая (в письме к В. Рудневу от 9 марта 1934 г.), что только ради этого предмета «и существует русская школа в эмиграции» (Бицилли 2012: 538). Он активно участвует в выборе преподавателя по этому предмету в Русской гимназии в Софии, который мог бы заменить талантливого Ивана Петровича Нилова, скончавшегося в 1933 г.¹¹.

в 1921 г. Многие эмигрантские школы находились под эгидой Земгора и хотя бы отчасти им субсидировались (Раев, 1994: 67). Судя по письмам Бицилли к В. Рудневу, Земгор курирует все вопросы эмигрантской школы и в Болгарии. Другой редактор журнала «Современные записки» — Н. Д. Авксентьев — тоже связан с Земгором, в 1930 г. он избран председателем его комитета.

⁸ Цит. по: Руднев Вадим Викторович (Исторический словарь, б. г.).

⁹ «... я надеюсь воспользоваться Вашим содействием — конечно, если явится надежда на возможность сделать мои наблюдения предметом обмена мыслями с заинтересованными в деле воспитания нашей молодежи людьми. Когда я составлю мой очередной доклад о работах по русскому языку абитуриентов наших здешних гимназий для Учебн[ого] к[омите]та, я пришлю Вам его копию» (письмо к В. Рудневу от 20 ноября 1932 г.) (Бицилли 2012: 516).

¹⁰ «И сейчас, при новом правительстве никаких поползновений на ограничение автономии русской школы не замечалось и не замечается. Единственное, чего добивалось правительство, это — большей ясности и порядка в отчетности» (письмо к В. Рудневу от 20 ноября 1932 г.) (Бицилли 2012: 516).

¹¹ Иван Петрович Нилов (наст. фамилия — Данилов, 1892-1933) преподавал русский язык, литературу и философскую пропедевтику в Русской гимназии в Софии. Автор книги «Русский падеж. Очерк современного склонения. Пособие при изучении русского языка» (София, 1930). По воспоминаниям М. П. Бицилли Нилов «преподавал замечательно и был

Из предисловия к первой части Хрестоматии становится ясно, что работа по составлению и редактированию поручена Бицилли В. З. Г. Союзом¹². Очевидно, руководство Земгора, частично совпадающее с руководством журнала «Современные записки», где Бицилли регулярно печатается с середины 1920-х гг., видит в нем фигуру, достаточно компетентную и авторитетную, которой можно поручить подготовку подобного издания.

«Хрестоматия по истории русской литературы», вероятно, задумана с самого начала в двух частях. Обе они имеют одинаковый формат и идентичное оформление обложек. Последние являются авторской работой художника Ивана Билибина¹³, известного еще до эмиграции своим «русским стилем». На них иллюстрации Билибина (летописец Нестор и флорентинский мотив) сопровождаются его инициалами «И. Б.», а паратекстовый комплекс набран стилизованным шрифтом нерформированной орфографии, при этом декоративная манера сильнее проступает на первой обложке, чем на второй. Присутствие билибинского «почерка» подчеркивает с известной даже чрезмерностью национальную маркированность этого издательского проекта.

На обложках размещаются и остальные выходные сведения: логотип издательства, место и год издания. На обложке первой части значится «Изд[ание] Российского Земско-Городского комитета // София, 1931»; на обложке второй — «Изд[ание] Родина и Родная речь // Склад УМСА // Париж, 1932». Эти данные повторяются и на титульном листе, соблазняя исследователей, увидевших/прочитавших только их, однозначно заявлять, что две части Хрестоматии вышли в свет в Софии и в Париже. Если, однако, посмотреть оборот

необыкновенно умным, добрым и тактичным человеком», а ее отец «высоко ценил и горячо любил» его (письмо ко мне от 22 августа 1994 г. — Г. П.).

¹² «Вырабатывая состав хрестоматии, я считался с мнениями, высказанными преподавателями в ответах на опрос, произведенный поручившим мне редакторскую работу В. З. Г. Союзом» (Бицилли 1931а: 3).

¹³ На контртитule обеих частей Хрестоматии отмечено «Обложка работы И. Я. Билибина».

их титульного листа, то можно установить, что издание печаталось в типографии «Древняя Болгария», которая находится по такому-то адресу в Софии и которая является типографией газеты «Голос»¹⁴. Обе хрестоматии, очевидно, вышли в Софии¹⁵, в типографии, где печатается русская эмигрантская газета «Голос». В последней Бицилли часто публикует свои статьи¹⁶, а с ее редактором и издателем — Глебом Волошиным — его связывают дружеские отношения.

На контртитule обеих частей указано, что «хрестоматия составлена применительно к программам русских средних школ». Эта реквизитная информация, называющая прямой адресат книги, найдет место и в самих предисловиях, которыми снабжена каждая часть, написанными и подписанными их составителем. Ведущие мотивы для издания хрестоматий — это 1) **потребность** (жирный шрифт здесь и далее мой — Г. П.) русской эмигрантской школы в подобных собраниях текстов; 2) их **доступность** — территориальная и финансовая — для всех эмигрантских центров и 3) их **адекватность** **нуждам** этой школы, так как находящиеся в обращении — дореволюционные или переизданные в метрополии — хрестоматии не являются подходящими¹⁷. Одним словом, цель авто-

¹⁴ „Печатница «Древна България» // София, ул. Гурко, 12// Типография газеты «Голос»”.

¹⁵ Подтверждением тому, что вторая часть напечатана в Болгарии, могут служить слова Бицилли из его письма к В. Рудневу от 12 апреля 1932 г.: «[...] хрестоматия [вторая часть — Г. П.] печатается с молниеносной быстротой и на днях будет отпечатана полностью. Остановка за обложкой. Когда можно надеяться на ее получение? Очень важно, чтобы издание поскорее вышло в свет. На днях получил письмо от моего коллеги Никифорова из Харбина, к[ото]рому я не так давно послал 1-ю часть. Он подтвердил то, о чем я Вам писал, что в «Новом государстве», где целый ряд русск[их] уч[ебных] завед[ений], спрос на нее несомненно будет значительный» (Бицилли 2012: 514).

¹⁶ О газете «Голос» см. одноименную энциклопедическую статью Й. Люцканова (Люцканов 2012: 112—146).

¹⁷ Эти хрестоматии, по словам Бицилли, «слишком дороги для учащихся, да и слишком объемисты; а наша школа так перегружена учебными предметами, что сокращение материала по каждому необходимо» (Бицилли 1931: 3).

ра — «составить такую хрестоматию, которая была бы доступна по цене всякому и заключала бы в себе наиболее ценные образцы литературных произведений» (Бицилли 1931а: 3).

Очевидно Бицилли уравнивает эти две позиции — качество издания и его цена. Можно предположить, что Земгор финансировал издание всей Хрестоматии, а не только ее первой части. Рыночный фактор, как оценочный критерий, валидный в русском эмигрантском пространстве, оставляю пока в стороне.

Итак, в первом предисловии Бицилли идентифицирует свою хрестоматию как «чисто **литературную**» (Бицилли 1931а: 3). Он концепирует «историю литературы» как «историю смены стилей и жанров» и утверждает, что она может изучаться «на основании массового материала, что в средней школе немислимо»¹⁸. И тут же настаивает, что «*систематическое* (слово выделено курсивом у автора — Г. П.) прохождение истории литературы в средней школе не является ни возможным, ни желанным», так как «может воспитать верхоглядство и сводится зубрежке» (Бицилли 1931а: 3). Вступая в известное противоречие с самим собой, он перечисляет принципы отбора, которые так или иначе дисциплинируют/систематизируют (из хрестоматии «выброшены» тексты) массовый материал. Таким образом, в первой части хрестоматии артикулированы два оценочных критерия: «**чисто литературный интерес**» и «**собственная эстетическая ценность**» материала (Бицилли 1931а: 3). К ним Бицилли присоединяет и третий, учитывающий хронологию текстов, а именно — состояние **русского литературного языка** в XVII веке, сразу оговариваясь, что этот критерий может оспариваться предыдущими двумя¹⁹. Во второй части хрестоматии, однако, он полностью

¹⁸ Аналогичную мысль, но по поводу изучения истории в средней школе, Бицилли высказывал в том же 1931 г.: «Историю надо учить или подробно, или никак» (Бицилли 1931б: 439).

¹⁹ «Исключение сделано для некоторых памятников, которые, не будучи художественными произведениями, представляют интерес по языку (разрядка везде принадлежит Бицилли — Г. П.): [...] важнейшие памятники славшегося в XVII веке о б щ е р у с с к о г о (и притом ч и с т о -русского) литературного языка...» (Бицилли 1931а: 3).

обязывает литературное развитие XVIII века с процессом становления русского литературного языка. Именно история русского языка «живо интересует» Бицилли в начале 1930-х гг., эта тема становится «главным предметом» его занятий, как он пишет В. Рудневу 4 февраля 1934 г. (Бицилли 2012: 534), или — в письме от 8 апреля 1934 г. — его «второй специальностью» (Бицилли 2012: 556).

В своей составительской работе Бицилли опирается на две дореволюционные хрестоматии — четырехчастную Хрестоматию Бродского/Мендельсона/Сидорова, переизданную в 1922—1923 гг. в Советской России и хрестоматию В. Сиповского (1915). Во-первых, он заимствует тексты из этих изданий, значительно сокращая материал и группируя его в двух частях: «народная словесность и литература допетровского времени» и «XVIII-ый век». Во-вторых, различные дореволюционные хрестоматии, в том числе и цитированные, отличались собственной методологией. У Бродского/Мендельсона/Сидорова произведения чередуются с комментариями и интерпретационными материалами и расположены так, что, как пишут составители в своем предисловии, могут «прорабатываться без специального учебника» (Хрестоматия 1922). В-третьих, стоит не забывать также, что по своему жанру хрестоматия в принципе охватывает те тексты, которые уже **канонизированы** соответствующей культурной памятью и учебной программой²⁰.

В первой части своей хрестоматии Бицилли, редуцирует объем предложенных текстов и сохраняет только « типовые образцы », для «облегчения преподавателей» снабжая некоторые из них «краткими примечаниями и переводами наиболее редких слов» (Бицилли 1931а: 4).

Во второй части, где собран литературный материал XVIII века, стратегия несколько меняется: остаются постраничные текстологические примечания, но Бицилли систематизирует

²⁰ В предисловии к Хрестоматии Бродского/Мендельсона/Сидорова сказано также: «Содержание хрестоматии обнимает собою те виды народного творчества, которые канонизированы существующими программами и обычно проходятся в общеобразовательной школе...» (Хрестоматия 1922).

произведения в разветвленную систему подгрупп и сопровождает их интерпретационными пассажами или, как он выражается, «заметками», цель которых — «дать руководящую нить» при изучении произведений (Бицилли 1932: 3). С их помощью, вероятно, можно прорабатывать этот материал и без отдельного учебника. Однако, если вырезать эти заметки и сшить их одну за другой, следуя системе рубрикации, получится некий пунктир возможной «краткой истории русской литературы XVIII века».

Бицилли на основании упомянутых им критериев проводит операции по отбору, группированию, периодизации, рубрикации, комментированию материала. Он, однако, учитывает еще один критерий, а именно: рыночный фактор, который в ситуации эмиграции — по моему старомодному разумению — мог бы иметь и социальный аспект. В результате предложенная концепция «построения курса» (Бицилли 1932: 3) (как значимо оговаривается автор в предисловии ко второй хрестоматии) несколько отличается от существующих дореволюционных и метропольных переизданий-канонов, и с ней, как отмечает Бицилли, могут и не согласиться²¹. Более того, в хрестоматиях — в некоторых комментариях — проявляет себя, хотя и совсем дискретно, академический дискурс, чуждый категоричности и однозначности учебного²².

Последний абзац второй части Хрестоматии содержит заключение автора о состоянии литературного языка в пушкинской эпохе. Заскок в русскую литературу XIX века сделан, продолжение случилось через два года.

²¹ «Преподаватель, несогласный с тем построением курса, которое предполагается как этими заметками, так и очередью, в какой следуют тексты, волен не обращать на них внимания и располагать тексты по своему усмотрению» (Бицилли 1932: 3).

²² «К моим заметкам я должен сделать одно пояснение: я сознательно избегал терминов *ложноклассицизм*, *ложноклассический* (здесь и ниже слова выделены курсивом у автора — Г. П.), потому что это термины школьные, неизвестные в период, охватываемый хрестоматией, и вызывающие предубежденное отношение к читаемым памятникам. Произведение может быть „*ложно-классическим*“ с формальной точки зрения и вместе с тем высокохудожественным и в этом смысле *классическим*» (Бицилли 1932: 3).

В 1934 г. выходит «Краткая история русской литературы. Часть II. От Пушкина до наших дней», которая логически продолжает и дописывает Хрестоматию. На ее поститульном листе размещается информация о том, что «готовится к печати Того-же автора Краткая история русской литературы, часть I-я». Она не издана, и причины ее непоявления формально можно искать в финансовых и организационных шагах, принятых из Софии издателем Н. Алексеевым²³, который планирует еще в 1933 году «издать серию учебников»²⁴ и «заказывает» Бицилли этот труд²⁵.

²³ М. Бирман и М. Шруба в своих комментариях к письмам Бицилли к В. Рудневу поясняют, что Н. Н. Алексеев — «владелец книжного магазина в Софии», через которого Бицилли «рассчитывался» с «Современными записками» (Бицилли 2012: 518). Н. Алексеев имеет отношение к изданию и русской эмигрантской газеты «Голос» в 1929 г в Софии. См. цитированную статью Й. Люцканова, стр. 113.

²⁴ В письме к Рудневу от 4 декабря 1933 г. Бицилли сообщает: «Н. Н. Алексеев недавно писал Вам о своем плане — издать серию учебников — и просил меня с своей стороны написать Вам о том, что я его лично знаю как человека делового и в деловых сношениях вполне надежного. Это я могу подтвердить» (Бицилли 2012: 532). Вероятно, рекомендация со стороны Бицилли была нужна в связи с возможным финансированием издания Земгором.

²⁵ В письмах Бицилли к Рудневу можно найти информацию об этом проекте. Перед тем как процитировать те пассажи из них, по которым можно восстановить историю создания «Краткой истории...», позволю себе маленькое отступление. Комментаторы отмечают, что «год» во многих письмах устанавливался на основании их содержания. Внимательное, однако, ознакомление с содержанием писем показывает, что авторам комментариев, вероятно, не хватает знания болгарского контекста «трудов и дней» Бицилли, что привело к неточной датировке. В результате произошла перестановка писем, а комментарий забуксовал («О чем идет речь, неясно», прим. № 2, стр. 525). Письмо от 10 августа 1933 г. (№ 21) по своему смыслу скорее всего относится к 1934 г., а не к 1933 г., и его место — после письма от 6 августа 1934 г. (№ 36).

Далее привожу пространный коллаж из писем Бицилли в восстановленном хронологическом порядке. Письмо (№ 30) от 16 февраля 1934 г.: «Здешний Н. Н. Алексеев, к[ото]рого Вы знаете, все колеблется, не прогадает ли он на своем предприятии издания учебников и, в частности, просил меня спросить Вас, как Вы думаете: мог ли бы иметь сбыт учебник по ист[ории] русск[ой] литературы, который он хочет заказать мне. Мне лично кажется, что такая книжка — если только написать ее так, чтобы от нее не слишком

Вероятно, любая хрестоматия, построенная на материале русской литературы XIX и начала XX века, если учесть вероятную доступность и знакомость этих текстов для эмигрантского читателя в 1930-е гг., не могла считаться финансово дальновидным предприятием. С другой стороны, учебник, пособие, т. е. возможная «история русской литературы до Пушкина» имела бы достаточно узкий читательский круг (тем более после вышедшей хрестоматии), и вряд ли подобный тираж был бы выгоден издателю. Оба сценария моей реконструкции опираются в проблему (не)доступной цены, как фактор, определяющий вид и характер данного издания. Он обсуждается Бицилли и в предисловиях к Хрестоматии, и в письмах по поводу публикации ее второй части и будущего учебника.

Как и Хрестоматия, краткая история адресована «русской эмигрантской средней школе в качестве пособия для преподавателей и учащихся» (Бицилли 1934: 3). Во вступлении отмечено, что ее «цель — дать общее представление о развитии русской литературы за рассматриваемый период, а также помочь нашей [русской — Г. П.] молодежи выработать в себе навыки чтения художественных произведений, какие необходимы для понимания их *стилистических* (курсив автора — Г. П.) особен-

пахло казенным учебником, могла бы пойти. Очень прошу Вас, если можете, не откладывая, поделиться со мною результатами Вашего опыта по этой части» (Бицилли 2012: 535). Письмо (№ 34) от 13 апреля 1934 г.: «[...] Писал руководство по ист[ории] русск[ой] литературы, — самая трудная работа, какую когда-либо доводилось делать, п[отому] ч[то] в такой книжке каждое слово должно быть взвешено, и кроме того отчаянно трудно сказать все, что считаешь нужным, но так, чтобы было понятно юношам 17—18 лет. Сейчас вчерне кончил. Не знаю, вышло или нет, а здесь и посоветоваться не с кем» (Бицилли 2012: 540). Письмо (№ 35) от 14 июля 1934 г.: «На днях пошлю Вам мою книжку по ист[ории] р[усской] л[итератур]ы с покорнейшей просьбой дать рецензию в ближайшем №» (Бицилли 2012: 541). Письмо (№ 21) от 10 августа 1933 [1934 — Г. П.]: «С моей историей р[усской] л[итератур]ы вышел скандал. Я лез из кожи, стараясь ее сократить до последних пределов с тем, чтобы сделать ее доступной по цене всякому, а Алексеев, не посоветовавшись со мною, от большого ума, взял да и поставил прямо-таки дикую цену. Напишите ему, чтобы он сбавил ее: мож[ет] быть, Вас он послушает. По такой цене она, конечно, не пойдет, — и в таком случае придется отказаться от издания 1-й части» (Бицилли 2012: 525).

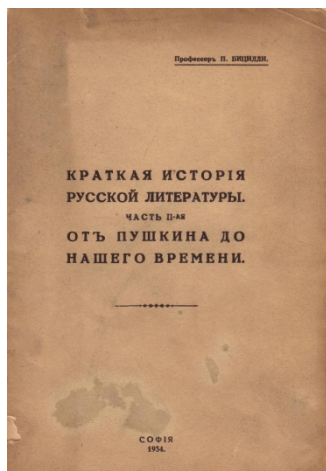
ностей, без чего усвоение их *содержания* (курсив автора — Г. П.) — в истинном значении этого слова — просто немыслимо» (Бицилли 1934: 3).

Автор дистанцируется от понимания литературной истории как некий свод, вобравший биографии писателей, пересказ содержания произведений и готовые характеристики персонажей. Бицилли акцентирует на **стилистических особенностях**, в его оценочные критерии не входит «биография писателя», которая размещается в **приложении** после аналитической части книги. Подобная стратегия прямо вытекает из представления/концепции о литературной истории, как «истории стилей и жанров», заявленной еще в предисловии к первой части хрестоматии. Иначе говоря, Бицилли предлагает проект систематизации и интерпретации русской литературы, в основе которого дискурсивные — с точки зрения нынешнего метаязыка — критерии. Он считает, что этот подход стимулирует, а не «пересекает прямую работу учащегося с текстом» (Бицилли 1934: 3).

Что касается самой хронологии, Бицилли как будто следует знакомому нарративу русского литературного развития с пушкинской эпохи по современный ему период. Однако он моделирует именно **многообразие процесса** (!), а не воспроизводит застывшую родословную литературных генералов XIX века. В историю включаются авторы, которые не значатся в канонических списках. Среди персоналий присутствуют Н. Лесков с его сказовой повествовательной формой и К. Леонтьев с его концепцией общего упадка европейской культуры. Посвящая отдельную главу Белинскому, Бицилли интерпретирует его взгляды на фоне историософских идей Петра Чаадаева. Набившая всем оскомину в советское время «идея народности» рассматривается сквозь призму ее генеалогии, в перспективе «русского национального развития» (Бицилли 1934: 66).

Русская классическая литература — в соответствии с эмигрантским каноном — в модели Бицилли представлена как высшая национальная символическая ценность, которая, однако, неотделима от европейской культуры и вписана в ее

контекст. Хронологическое изложение включает и русскую литературу XX века, начиная с презентации отдельных модернистских жестов начала века и кончая проблематизацией ее разобщения на две сферы: метропольную и эмигрантскую. Так в школьном учебнике 1934 г. артикулируется идея двух потоков постреволюционной русской литературы задолго до «Русской литературы в изгнании» (1956) Глеба Струве или международного женеvского симпозиума 1978 года «Одна или две русских литературы»?

Обложки изданий, осуществленных П. Бицилли в 1931 — 1934 гг.

Обе хрестоматии и краткая история образуют некий «гибридный дикурс» о русской словесности: хрестоматии заполняют место виртуальной истории/нехватяющего метатекста «до Пушкина», а краткая история впоследствии, взамен знакомых произведений в виде хрестоматии, предлагает интерпретации этих произведений, определенную концептуализацию русской литературы с пушкинской эпохи по 1930-е годы. В своей телеологичности эти издания манипулируют процессы чтения-интерпретации-оценки русской литературы, которые в своем «взаимоналожении» (Демидова 2003: 5) формируют канонизацию. Менторская установка составителя-автора, проявляется не столько в ожидаемой для учебного жанра дискурсивной практике (конструкции типа «пора положить конец», «дать руководящую нить», например), сколько в паратекстовой суггестии. Учительная роль подчеркивается тем, что и на трех обложках имя автора присутствует в сопровождении его академической должности: «проф[ессор] П. М. Бицилли».

Итак, в начале 1930-х гг. в русской эмигрантской Софии появилась модель концептуализации русскоязычного литературного развития.

Адресованная русской эмигрантской школе, эта модель предложила Педагогический канон, направленный на обучение и воспитание русской молодежи, но и отличный от «голых догматических утверждений и бессодержательных вербальных формулировок» (Бицилли 1931б: 440).

Адресованная русской эмигрантской общности, эта модель предложила канон Памяти, направленный на сохранение Русскости, но и «проникнутый сознанием моральной ответственности, налагаемой принадлежностью к великому историческому народу» (Бицилли 1927—1928: 209).

Адресованная профессиональному читателю, эта модель предложила Литературоведческий канон, направленный — поверх языковых и национальных барьеров — на подрывание позитивистского и иерархического мышления.

Судя по рецензиям, разные лики канонобразующей интенции Бицилли были замечены и в эмигрантском, и в бол-

гарском культурном пространстве. Однако, ее нестабильный адресат (русский эмигрант/преподаватель/учащийся/профессионал), ее самосозидание («дать руководящую нить», «дать общее представление», «пора положить конец укоренившимся ... приемам изучения произведений словесного искусства»), разворачивающееся параллельно саморазрушению («преподаватель, несогласный с тем построением курса ... волен не обращать ... внимания и располагать тексты по своему усмотрению», «я сознательно избегал терминов») ставят существенный вопрос — могла ли она и для кого быть стабилизирующим дискурсом. Иначе говоря, насколько, ревизируя устоявшийся канон, Бицилли не покушался на самую возможность/процедуру канонизации. Разговор об этом только предстоит.

Цитированная литература:

Бицилли 1927—1928: Бицилли П. К вопросу о пропедевтическом курсе истории в средней школе. // РШЗР. Прага, 1927—1928. № 26, 197—209.

Бицилли 1931a: Хрестоматия по истории русской литературы. Часть I. Народная словесность и литература допетровского времени. София: Издание Российского Земско-городского комитета, 1931.

Бицилли 1931b: Бицилли П. Историческая реальность и преподавание истории в средней школе. // РШЗР. Прага, 1931. № 34, 435—440.

Бицилли 1932: Хрестоматия по истории русской литературы. Часть II. Литература XVIII века. Париж: Издание «Родина и Родная речь». Склад издания YMCA-Press, 1932.

Бицилли 1934: Краткая история русской литературы. Часть II-ая. От Пушкина до нашего времени. София: [без издательства], 1934.

Бицилли 2002: Письма П. М. Бицилли к А. Л. Бему. Публикация, подготовка текста, примечания М. Бубениковой и Г. Петковой // The New Review. New York, 2002. № 228, 122—150.

Бицилли 2011: Писма на проф. П. М. Бицилли до акад. Ив. Дуйчев. (Публикация, подготовка на текстовете, встъпителна бележка и коментар: Т. Галчева, Г. Петкова). // Годишник на Софийския уни-

верситет «Св. Климент Охридски». Център за славяно-византийски проучвания «Иван Дуйчев». Том 97 (16). София, 2011, 337—353.

Бицилли 2012: Бицилли, П. «„Современные записки“ все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П. М. Бицилли / Публикация и примечания М. А. Бирмана и М. Шрубы; вступительная статья М. А. Бирмана. // «Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Корестелева и Манфреда Шрубы. М: НЛО, 2012 — Т. 2.

Демидова 2003: Демидова, О. Женская проза и большой канон литературы Русского Зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции / Сост., вступ. статья и комментарий О. Р. Демидовой, СПб.: РХГИ, 2003, 3—18.

Исторический словарь, б[ез] г[ода]: Мир словарей // http://mirslovari.com/content_his/rudnev-vadim-viktorovich-32253.html

Люцканов 2012: Люцканов И. [Газета] «Голос». // Периодика на руската емиграция в България (1920—1943). Енциклопедичен справочник, София: Издателски център «Боян Пенев», 2012, 112—146.

Петкова 2004: Петкова, Г. Литературоведческий проект П. М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции). // Бицилли, Пётр. Салимбене и Пушкин. Варна: LiterNet, 2004: http://www.liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm

Раев 1994: Раев, М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919—1939. Москва: Издательство «Прогресс-Академия», 1994.

Хрестоматия 1922: Историко-литературная хрестоматия. Часть I. Устная народная словесность с историческими и этнографическими комментариями. Составили Н. Л. Бродский, Н. Ш. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Издание третье. Москва — Петроград: Государственное издательство, 1922:

http://booksnow1.scholarsportal.info/ebooks/oca4/35/istorikoliteratu01broduoft/istorikoliteratu01broduoft_djvu.txt